

Е. М. ЮХИМЕНКО

**Неизвестная страница полемики
выговских старообрядцев
с официальной церковью:
предыстория «Поморских ответов»***

С самого начала проведения Никоновой реформы ее противники стали подвергаться преследованиям со стороны духовных и светских властей: за ссылками и казнями первых старообрядческих учителей последовали массовые розыски и военные экспедиции, зачастую толкавшие старообрядцев на самосожжение. Момент убеждения в этих обстоятельствах был безусловно вторичен. Представители официального духовенства приходили к старообрядческим поселениям в сопровождении вооруженных солдат, и, как можно судить по документам, «мирного разглагольствия» не получалось.¹

Типичной для этого времени фигурой был Афанасий Холмогорский. В 1682 г. им был составлен «Увет духовный», явившийся откликом на «прения» в Грановитой палате 5 июля 1682 г., неоднократно переиздававшийся и широко использовавшийся в антистарообрядческой полемике. Однако 20 лет архиерейской деятельности самого Афанасия (1682—1702) показали, что глава Холмогорской епархии, созданной главным образом для «борьбы с расколом», относился к сторонникам старой веры крайне нетерпимо и мерам их убеждения большого значения не придавал.² Старообрядческие источники не говорят о нем иначе, как о «плотом на христиане гонителе и мучителе».³ Выговцы знали об этом не понаслышке. В 1698 г. на Холмогорах был сожжен Мемнон, до того проживший некоторое время в Выговской пустыни и теперь почитавшийся как страдалец за веру. Захарий Стефанов Дровнин, основоположник пустынного жития на реке Выг, был схвачен (в период 1694—1702 гг.), предстал перед Афанасием Холмогорским и «истязан вельми о вере и крепко и мужественно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 96-04-06152).

¹ Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683—1684 гг. (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 67—68, 85—86, 89, 103.

² См.: Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 97.

³ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 308. См. также: Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 97—99.

благочестие проповеда пред мучителем и биен бысть велми и истязан крепко»; после удачного побега Захарий Дровнин вернулся на Выг.⁴

При Петре I отношение государства к неприемлющим церковную реформу изменилось. Прежнего размаха гонений уже не было, но провозглашенная в 1702 г. веротерпимость в отношении старообрядцев имела существенные ограничения.⁵ Официальная церковь больше внимания стала уделять миссионерству, которое, как показывает пример Питирима Нижегородского, без труда вновь могло обернуться для старообрядцев прямыми преследованиями.

В начале XVIII в. появился целый ряд полемико-догматических сочинений, адресованных приверженцам древнего благочестия: «Знамения пришествия антихристова» Стефана Яворского (1703), «Ответ краткий на подметное письмо о рождении сими временами антихриста» митрополита Иова (1707) и, конечно, «Розыск о раскольнической брынской вере» Димитрия Ростовского. Черновая работа над последним сочинением — наиболее известным в этом ряду — была начата ростовским митрополитом в конце 1708 г., а в марте 1709 г. «книжица о капитонех Розыска» была уже закончена.⁶ Автор пользовался различными источниками: собственными сведениями, рассказами очевидцев (в том числе и вымышленными), письменными сочинениями, в числе которых было названо послание к выговским старообрядцам Иосифа священника, миссионера на Олонецкой верфи. Этот текст до сих пор оставался неизвестным,⁷ так же как, собственно, и факт миссионерского «увещевания» выговцев ранее 1722—1723 гг., когда появились знаменитые «Поморские ответы». Нам удалось обнаружить послания Иосифа и ответное письмо ему, а также на основании документальных источников восстановить обстоятельства этой полемики.

Правовое и, как следствие, конфессиональное положение Выговского старообрядческого общежития в первой четверти XVIII в. определялось его припиской к Олонецким Петровским заводам. Выговцы должны были изыскивать и разрабатывать месторождения руды, взамен же получали возможность вести богослужение по старопечатным книгам. В литературе эта сторона жизни Выга известна лишь в общих чертах; конкретные факты сводятся главным образом к связи пустынножителей с В. Геннином, комендантом Олонецких заводов в 1714—1722 гг., по их просьбе ходатайствовавшим за арестованного Семена Денисова, и к присылке в 1722 г. на Петровские заводы иеромонаха Неофита и последовавшим затем полемическим диспутам. В исследованиях, посвященных основанию и развитию Олонецких заводов, участие в их работе поморских старообрядцев специально не рассматривается.⁸ Однако данная проблема представляет значительный интерес для ранней истории Выга, и, как оказалось, документы канцелярии начальника Олонецких заводов А. С. Чоголокова, отложившиеся в Разряде XXVI Государственного архива Российской империи (ныне в РГАДА), содержат неизвестные ранее факты, ка-

⁴ Филиппов И. История... С. 308.

⁵ См.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 3—5.

⁶ См.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 443, 445.

⁷ Там же. С. 448.

⁸ К примеру, в фундаментальном, построенном на архивных разысканиях исследовании А. П. Глаголевой о выговцах говорится очень кратко и практически без привлечения нового документального материала. См.: Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957. С. 198—199.

сающиеся работы выговцев на заводах и их взаимоотношений с заводской администрацией.

Ведение Северной войны требовало существенного расширения металлургического производства, особое значение в этой связи приобретал находящийся вблизи театра военных действий Олонецкий край. Здесь уже во второй половине XVII в. существовал ряд частных железоделательных заводов, работавших на местных месторождениях. В 1703 г. были переданы в казну заводы одного из крупнейших владельцев, датчанина Андрея Бутенанта фон Розенбуша. В этом же году было основано новое государственное предприятие — Шуйский (позднее переименованный в Петровский) завод, положивший начало строительству целой сети железо- и медеплавильных мануфактур по берегам Онежского озера. Совсем недалеко от Выговской пустыни, на реке Лопской, впадающей в Онегу у самого города Повенца, 23 сентября 1703 г. был заложен Повенецкий завод. Руководил строительными работами, а затем управлял заводом бывший приказчик П. Марселиса и А. Бутенанта мастер-иноземец Герасим Традел.⁹ О ходе строительства, о всех трудностях и свершениях он регулярно и подробно доносил вице-коменданту Олонецкого уезда, начальнику Олонецких заводов Алексею Семеновичу Чоглокову, а в его отсутствие исполнявшему эти обязанности Дмитрию Семеновичу Чоглокову.

Близкое соседство старообрядческого общежития стало известно заводскому начальству почти сразу же. В письме от 11 октября 1703 г. Г. Традел сообщал А. С. Чоглокову: «Мужик Толвоского погоста, который прежь жывал у капитонов, к нам пришед, сказал, что знает в трех местах железную руду близ их жилья. Я с ним туда послал для досмотра Ивана Шахана и иных два человека, дай, Боже, чтоб явилось что доброе. Что о том впредки услышу, не медля к милости твоей писать буду».¹⁰

Первый адресованный выговцам официальный указ за подписью А. Д. Меншикова, губернатора Ингерманландской губернии, был дан в сентябре 1704 г. В нем признавалось право общины жить «по книгам московской печати давних лет выходов» и в то же время предписывалось быть «во всяком послушании, как и прочих погостов жители».¹¹ В 1704 г. существовавшая до сих пор разверстка работников к кораблестроению на Олонецкую верфь была изменена: за верфью была оставлена лишь Оштинская половина Олонецкого уезда, большая же часть погостов, в том числе Шунгский, Толвуйский, Кижский, Челмужский и Повенецкий рядок, поступила в ведение А. С. Чоглокова. Указ от 20 февраля 1705 г. продолжил перераспределение, оставив за верфью всего лишь один погост Олонецкого уезда, а остальные передав заводам.¹² Заводская повинность была многообразной: поставка плотников и рабочей силы на заводы, изыскание рудных месторождений, добыча руды и угля и вывозка их на заводы, поставка железных криц.

В указе Меншикова на Выг содержалось разрешение прислать «письмо за руками» с изложением просьб. Общежитие не замедлило этим воспользоваться и за год выхлопотали себе официальный статус и значи-

⁹ Там же. С. 63—64. В черновых отпусках писем А. С. Чоглокова повенецкому приказчику содержится обращение «Герасим Еремеевич» (РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 11404, л. 88, 118, 121, 147, 155, 156 и др.), что дает основание предположить, что он был сыном Еремея Традела, приказчика Марселиса, посланного в июле 1676 г. в Фоймогубскую волость «к медному рудокопному делу» (Глаголева А. П. Олонецкие заводы... С. 39).

¹⁰ РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 12015, л. 1 об.

¹¹ РГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 190, л. 636.

¹² См.: Глаголева А. П. Олонецкие заводы... С. 181—182.

тельные преимущества перед окрестными крестьянами. Выговцы были приписаны к Повенецкому заводу. Из всех трудовых повинностей их обязали к самым привилегированным — изысканию и подъему руды. Указом от 7 сентября 1705 г. Выговское общежительство признавалось самостоятельной хозяйственной единицей, имеющей выборного старосту и его помощника; была обещана защита от всякого «утеснения»,¹³ что нашло подтверждение в трех указах А. Д. Меншикова и Петра I, данных выговцам 21 июля 1710 г., 12 мая 1711 г. и 5 марта 1714 г. и ограждавших их от «обид» и притеснений со стороны светских и духовных властей.¹⁴ Выговцы хорошо знали свои права: с подлинных указов, хранившихся в общежительстве, делали копии, которые отъезжавшие по делам из пустыни непременно брали с собой. Так, при аресте Семена Денисова в Новгороде в 1713 г. у него были обнаружены списки с указов 1704, 1710 и 1711 гг.;¹⁵ у задержанного в 1737 г. в Петербурге Мануила Петрова имелась копия указа 1705 г.¹⁶

Как видно из документов, выговские киновиархи, в частности Андрей Денисов, установили прямые контакты с администрацией Олонекских заводов — А. С. Чоглоковым и Г. Траделом. Приказчик Повенецкого завода в письме от 19 апреля 1705 г. извещал Чоглокова: «Андрей Денисов, от милости вашей едучись, к нам заезжал. Я по приказу милости твоей о древесечке говорил, что по слову, каково вам обещал, хотя б 1000 сажень дров ссечь, обжечь и на завод поставить; он говорил, что того не обещал и челобитье о том от них государю есть, чтоб с них брать денги, а не работать».¹⁷ Это сообщение подтверждает стремление выговцев ослабить «иго работы у Повенецких заводов» (по выражению историка пустыни Ивана Филиппова), заменив непосредственное участие в трудовой разверстке (сопряженное для старообрядцев с известными трудностями) денежной компенсацией (как это делалось и в случае рекрутского набора).

Донесения Традела начальству сохранились не полностью: некоторые годы представлены целыми сброшюрованными подборками, другие лишь отдельными письмами. По-видимому, без лакун отражены в переписке события с апреля 1705 по декабрь 1706 г., и письма за 1706 г. показывают, сколь интенсивны были контакты выговцев с администрацией заводов. В августе 1705 г. в 40 верстах от Повенецкого, на реке Телекиной, впадающей в озеро Выг, был основан Алексеевский завод, в связи с чем объем работ приписных к Повенецкому заводу крестьян существенно расширился. 6 марта 1706 г. Традел сообщал Д. С. Чоглокову: «Выгорецкому старосте указ о работе объявлял, и он упросился не на долгое время сходить в дом, собрать людей ради совету; о том, какая ведомость явится, впредки к милости твоей писать буду» (Л. 65). К 15 марта известный с Выга не поступало: «От выгорецкого старосты, — писал Традел, — по сей час никакой ведомости о работе нет. И ныне послал по него нарочного» (Л. 70 об.). По всей видимости, старообрядцы вновь хлопотали у высокого заводского начальства об освобождении от работ, и вновь они нашли покровительство, потому что уже 22 марта Традел доложил

¹³ Смирнов П. С. Споры и разделения... С. 11—12.

¹⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 190, л. 637—639; Смирнов П. С. Споры и разделения... С. 12—13.

¹⁵ РГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 190, л. 636—639, 645 об.

¹⁶ РГБ, ф. 17, № 430, л. 2—2 об.

¹⁷ РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 11579, л. 4 об. Далее ссылки на листы этого дела приводятся в тексте после цитаты.

Д. С. Чоглокову: «Пустынножителей по писму вашей милости на работу высылать не будем» (Л. 71).¹⁸

Однако, как видно из документов, это решение не было окончательным. 2 июня 1706 г. повенецкий приказчик писал А. С. Чоглокову: «Андрей Поморец нежданне приезжал из Суземка на Алексеевской завод и послан от Ивана Романовича ради высылки выгорецких на Алексеевской завод в работу, а после ведомости нет» (Л. 96). В следующем письме, от 5 июня 1706 г., Традел сообщает о странном исчезновении Андрея Денисова: «Про Андрея Поморца вчерашняго числа писал ко мне Иван Романович, что поехал с Алексеевских заводов на Повенецкие, а к нам не бывал и лошасть нашли на полдороге, ходит оседлана и сумки переметные привязаны, а он куда делся, Бог весть, и ведомости по сей час нет» (Л. 98 об.). В последующих письмах вопрос о присылке пустынножителей в работу на Алексеевский завод больше не поднимался; подробное освещение получила другая, более важная проблема — «сыска» и подъема руд.

Близлежащие к Повенецкому заводу запасы руды постепенно истощались, грозя привести к остановке предприятия. (Это произошло в середине 1720-х гг., когда из-за низкосортности руды изделия шли с постоянным браком; в 1727 г. Повенецкий завод был передан в частное владение, но его работа также продолжала оставаться неудовлетворительной и в 1738 г. его окончательно закрыли.)¹⁹ Поэтому администрация заводов была вынуждена постоянно заниматься изысканием новых месторождений. И в этом деле на выговцев возлагались основные надежды. Среди общежителей было много рудознатцев (местные крестьяне издавна занимались железоделательным промыслом). В документах канцелярии А. С. Чоглокова упоминаются Даниил Викулин, Андрей и Семен Денисовы, основатель Сергиева скита старец Сергей и другие; их экспедиции обследовали весь район старообрядческого Суземка — местности до того незаселенной и потому в отношении полезных ископаемых неизведанной.

В 1706 г. проблема сырья стояла для Повенецкого завода достаточно остро. В письмах от 23 и 25 июня 1706 г. Традел высказывал беспокойство, что «от выгорецкого старосты о приiske руд никакой ведомости нет», несмотря на посланного нарочного (Л. 101 об., 103 об.). Но уже 28 июня он получил письмо от старосты Тихона Феофилова Соловара, что «сыскали вновь руды в Суземке в пяти местах, а по сколку, того не пишет. И хотели опыты к Петрову дни на Повенецкой завод поставить. И я, — сообщает Традел начальнику заводов, — послал сего числа рудосыщика выгозерца те места осмотреть и в подлинник описать» (Л. 104 об.). 2 июля были доставлены опытные образцы, добытые другой выговской экспедицией — Даниила Викулина; по этому поводу управляющий писал А. С. Чоглокову: «Данило Никулин послал из Суземка ис трех мест рудные опыты, и те ныне делают; каковы явятся, впредки к милости вашей отпишу. А сколько в тех местах будет, осмотреть велел. И сего числа к ним нарочного послал, а от старосты их по се число с опытами не бывали, а и об ыном, что писать изволил, всячески проведы-

¹⁸ Несколькими днями позже, 31 марта 1706 г., Традел писал: «Плотники толвуийские и шунские к судовому строению посланы на Алексеевской завод, кроме поморцов, о которых наперед сего писал к милости вашей» (Л. 73).

¹⁹ См.: Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 186—187, 239; Арсеньев К. И. Описание Олонейских заводов с самого их основания до последних времен, с кратким обозрением Олонейской губернии // Труды Минералогического общества. СПб., 1830. Кн. 1. С. 304.

ваю, да никак не скажут» (Л. 105—105 об.). К 4 июля образцы Даниила Викулина были апробированы: «А опыты на Повенецком заводе из руд, кои из Суземка ис трех мест принесены, делали, — докладывал Традел, — и из одного места явилась очюнь мякка, и из двух худа» (Л. 106 об.).

Наконец было получено известие от старосты. 6 июля 1706 г. Традел писал: «Выгорецкой староста Тихон Соловаров сего числа к нам явился и книги переписные дворам в его старошеньи, также и Марковым житкам и пашни и протчему оставил у нас. А сам пошел в Суземок указать приискное место руды, для то, что без него рудосыщнику, кой послан был, того места не указали, также и вновь искать. А по сие число кроме одного места годного в прииску нет, о котором наперед сего к милости твоей писал, что в опытах мякко» (Л. 108). К 16 июля утешительных новостей не было никаких: «Рудосыщик, кой послан к выгорецким, сего числа пишет: внов кроме того, что к милости твоей писано, руды не сыскали. А ищут все с прилежанием, и Сергей старец искать пошел же. Опасно, есть ли не сыщут, для то, что прежних мест надежных к Повенецкому заводу нет» (Л. 113—113 об.).

Выговские рудознаты искали действительно «с радением». 18 июля 1706 г. Традел получил от Тихона Соловарова и Даниила Викулина «грамотку» следующего содержания: «А о взыску надобной руды на Повенецкой завод и прежде твоего ныне до 14 числа июля заповедания, что изволил отписать, чтоб с неусыпным попечением о том пещися, воистинну таковою печалию уязвляемся о сем. Ношденственне всегда в розыски люди затем взыскивают со всяким зелным тчанием. Леть ти, господине, и самому благоразсудствовати о том, что и для себе то дело надобнейша б нужда была нам. И понеже в четырех сторонах ищетца и о тех сыщиков вдружь по местом разным искать рассылаютца, точию объявление ей не спеецца. А что споможет Бог сыскати, немедленно с них и опыти пред смотрение твоей честности принесутца. А о сыску том зболение наше видимо и рудосыщнику, посланному от милости вашей, Василию Ермолину. Июля 15 день» (Л. 115). Тпание выговцев подтверждала и «грамотка» самого Василия Ермолина, писавшего Траделу: «А что ныне июля в 13 день слышанные речи о руды в дву местех писменне возвестились, и тут быв, досмотрел, [что] и малыя работы не к чему приложить, сама безугодная, и взыщики против того возвещения к тебе в ыных местех руд не взыскали. И в печали быв аз, последний, в великой о том. И ныне, июля 14 числа, в неделный день, старосте Тихону взыщиков их всех приказал к Волозеру собрать и о взыску на Повенецкой завод всем им говорил, где б возмогли, всячески порадеть и те б места, где не бывано, выискали. И они, староста и Данил, быв тут, послали общебрацкого Аверку с товарищи к Варжемским мхам понутру и к Вораб-губе и на Вораб-губой выходить, Седиона с товарищи к Зарозеру и к Тагозеру и к верхнему Волозеру на средину к Повенцу, Гаврилу Волкова с товарищи к Шелтопорогу и к Пыжиницам и внутренних тамо во многих местех. И Сергию старцу приказано окрест себе и к верховскому концу выискать накрепко, а срок учинен им от взысков тех объявку принести мне и кончае к 19-му числи и с того числа вскорости возвещение будет безо всякого мотчания. Июля 15 день» (Л. 116).

Вскоре рудосыщик Василий Ермолин вернулся на Повенецкий завод и сообщил Траделу, что выговцы «по сие число внов руды сыскать не могли, а ищут с прилежанием» (Л. 117 об.).²⁰ В письме от 29 июля

²⁰ Письмо Традела А. С. Чоглокову от 21 июля 1706 г. Аналогичные сведения также содержатся в письме от 22 июля (Л. 120).

1706 г. Традел сообщал начальству утешительные новости: «Вчерашнего числа писал ко мне Данил Никулин, что сыскали они внов на болоте руды много, чиста и непесочна, токмо в подлинник знающими не осмотрена, для то что такова не была и опыты не взяты. А ныне умеющей туда послан для взятъя опытей и подлинного усмотру. И что о том впред явится, незамедля к твоей милости писать буду. И на другую сторону Онега под Корелу для прииску того ж люди от них посланы» (Л. 123). Рудосьщик, осмотревший «приискные рудные места», установил, что в опытах руда среднего качества; выговцы продолжали искать «непрестанно» (Л. 124 об., 129 об.).

В письмах Традела содержится намек на какие-то особые отношения Даниила Викулина с заводской администрацией. 12 августа 1706 г. повенечкий управляющий в письме А. С. Чоглокову сообщил: «Данило Пустынник, ни посланной по него еще не возвратились» (Л. 128 об.). Видимо, речь шла о вызове выговского киновиарха по требованию Чоглокова. Следующее сообщение находим в письме от 16 августа: «Данилу Викулину, здесь будучись, что поедучись к Москве им приказать изволил, горазно говорил, и он то зделать хочет. И сам к твоей милости писал, которое при сем» (Л. 130). К сожалению, это послание Даниила Викулина в подборке писем отсутствует, и нам приходится только гадать, какое личное поручение было дано Чоглоковым Даниилу Викулину.

Во второй половине августа 1706 г. руда была «сыскана». Началась ее добыча. В письме от 6 сентября Традел писал А. С. Чоглокову: «Руду в трех местах к Алексеевскому заводу поднимают, и к Повенецкому в Суземок поднимать послано ж. Писал ко мне выгорецкой староста и велел милости вашей доложить, быть ли с ними у подъему Данилову и Сергиеву братству. Пожалуй, государь, о том поволь отписать» (Л. 134 об.). 19 сентября: «В Суземке в трех местах руду поднимают, и Данилова братства особе здымают же, лише дано от мирских скитов з десяток им в помощь. А о Сергие не слышать, Андрей Денисов з братом приехали и иные с ними есть же» (Л. 142 об.—143). К 11 октября 1706 г. вся руда в Суземке была поднята (Л. 153 об.); на этих работах трудились «поселянских 70 человек, а даниловых 20, а сергиевых и не бывало» (Л. 148 об.).

Видимо, нехватка рабочей силы вынудила заводскую администрацию привлечь выговцев к тем работам, которые на них обычно не развешивались, — к обжигу поднятой руды. По этому поводу Традел заметил в письме Д. С. Чоглокову: «Да изволил ты, государь, писать, чтоб у обжогу руды в Суземке быть выгорешким, то по приказу милости вашей учиню и по старосту выгорецкого послал и, сколько мочно, на них урочно обложим, а в болшем, как и самим вашей милости знать мочно, на них надеятся нельзя» (Л. 171 об.).

Не вызывает сомнения, что выговцы действительно были опытными рудознателями (напомним, что они разыскивали руды и для Демидовских заводов в Сибири, в частности в 1723 г. ими было открыто богатейшее Кольвано-Воскресенское месторождение меди). По этой причине начальники Олонечких заводов А. С. Чоглоков и позже В. Геннин и, конечно, управляющий Повенецким заводом Г. Традел высоко ценили участие пустынножителей в работе казенных предприятий, поскольку от их деятельности, требовавшей большого опыта и высокой квалификации, зависело обеспечение литейного производства сырьем.

На Петровских заводах выговцы снискали себе уважение как хорошие и знающие работники; конфессиональная принадлежность, особенно для иностранных специалистов, отступала на второй план. Поэтому В. Ген-

нин не боялся оказывать открытое покровительство даже состоящим под следствием выговским наставникам.

Семен Денисов был арестован в Новгороде в 1713 г., митрополит Иов, преследовавший миссионерские цели, не желал расстаться со своим пленником. 16 сентября 1714 г. Геннин обратился с письмом непосредственно к Петру I с просьбой об освобождении заключенного, «который в здешнем подъеме и в сыску руд был годен, и пред другими радетелен в заводской работе».²¹ В своем доношении в Сенат от 12 января 1717 г. комендант Олонекских заводов обосновывал ту же свою просьбу более детально, используя текст отписки ландрата Муравьева: «С прошлого 705 по нынешней 716 год на Повенецкий завод в Суземке из разных мест железную руду в литье пушек и в кованое железо вывозили и держали прииску выгорецкого общешествителя Семена Денисова, которой удобныя места, где бывають добрыя руды, знал, а ныне он заключен держится четвертой год в Новгороде в митрополиче розряде и к будущему 717-му году по уведомлению его же, Семена, некоторыя рудныя места приискали и подняли, а впредь без него, Семена, угодных добрых руд в пушечное литье и в кованое железо сыскать близ Повенецких заводов кроме помянутой объявленной от него, Семена, не знают. И дабы оного Семена для указания и приискания руд свободить, чтоб впредь на Повенецком заводе за рудами остановки не было».²²

В 1718 г. по доносу был арестован Даниил Викулин, которому в то время «для иных нужд случися приехати на заводы». Геннин вновь обратился с прямым ходатайством к царю. Просьба возымела действие, и выговский киновиарх был отпущен.²³

Административным петром Олонекских заводов был Петровский завод, при котором стала строиться рабочая слобода (позже переросшая в город Петрозаводск). Построили и деревянную церковь — во имя св. апостолов Петра и Павла.²⁴ Первым священником этой церкви и был упоминаемый Димитрием Ростовским Иосиф.

В делах Ижерской канцелярии сохранилась выпись из письма, поданного 15 марта 1708 г. олонекским комендантом А. С. Чоглоковым. Документ содержит ценные сведения, касающиеся биографии Иосифа: «По указу великого государя на Олонекских Петровских заводах построена вновь церковь верховных апостол Петра и Павла, а к той церкви для служения взят был по присылке ис Патриарша духовнаго приказу Коломенского уезду села Дединова вдовой поп Иосиф. И в 708-м году он, Иосиф, с тех заводов отпущен на обещание для пострижения».²⁵

²¹ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 303.

²² РГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 190, л. 635.

²³ Филиппов И. История... С. 153—155.

²⁴ Ее краткое описание и изображение см.: Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989. С. 117, 119.

²⁵ РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 8, л. 394 об. Письмо Чоглокова содержало просьбу о присылке нового священника, поскольку на место Иосифа «никого на те заводы не прислано. А надобен де на те заводы священник доброй» (Там же). Духовный приказ распорядился послать священника из Москвы (по всей видимости, имея в виду необходимость миссионерской деятельности). Поповские старосты шести сороков выбрали шесть священников «к жеребью». Однако «для скорости с Москвы без жеребья в последнем зимнем пути безвременно» были высланы священник церкви Живоначальной Троицы, что за Сретенскими воротами у Сухаревской башни, Иван Федоров и священник церкви Вознесения Господня, что за Серпуховскими воротами, Иван Феоктистов. А. С. Чоглоков выбрал последнего, а Ивана Федорова отправил в Духовный приказ. Однако Иван Феоктистов был, как он писал в своей челобитной 4 марта 1709 г., «с Петровских заводов отпущен к Москве, а после меня священников на тех заводах нет» и просил направить сюда кого-либо из тех попов, которые были выбраны вместе с ним «к жеребью». 17 марта 1709 г. был послан «для служения и мирских потреб» священник церкви Живоначальной Троицы в Мещанской слободе Григорий Андреев (Л. 394—400).

Попав в известный старообрядческий район и следуя предписаниям церковного начальства по «обращению раскольников», священник Иосиф решил обратиться к выговцам с посланием. Это первое послание, направленное в сентябре 1706 г., до нас не дошло. О нем упоминает сам Иосиф в следующем своем послании (1707): «Прошлаго лета Божия (год соскоблен. — Е. Ю.) в месяце септемврии писах к вам, прося ответа на письме, откуда взяли крещенных вами крестити (?) (1 слово соскоблено. — Е. Ю.). И тому до сего времени более году, а ответа от вас никакowo же приях».²⁶

Второе послание выговцам, названное «Обличительным уветствованием», было составлено Иосифом год спустя — в октябре 1707 г. Оно начиналось так: «Желаю обращения вашего и покорения] ко святей церкви и истиннаго покая[ния] и от клятвы разрешения и сообщения с правoверными» и содержало 12 разделов.²⁷ Как и все антистарообрядческие трактаты того времени, сочинение Иосифа содержит резкие обличения и бранные эпитеты. Основным вопросом полемики становится вопрос о старообрядческом перекрещивании (как известно, Выговская пустынь стояла во главе общин, признававших необходимость перекрещивания), о священстве и в связи с этим об остававшихся у беспоповцев таинствах крещения, исповеди и покаяния. Касается Иосиф и вопроса о самосожжениях, укоряет выговцев, что их пустынная жизнь не истинная: «...а у вас торги и промыслы великия имеютца и звериныя многия» (Л. 10).

26 ноября 1707 г. Иосиф получил письмо приказчика Повенецкого завода Герасима Традела, который сообщил, что тетрадь с «Обличительным уветствованием» через Ивана Романовича Даниилу Викулину и «прочии» была передана и «зде при многих таких не по един случай читана и споров было довольно, токмо ответу прямо никакowa дать не могут» (Л. 21 об.). Традел приказал выговцам, «чтоб ответ изготовили на письме». Приехав на Рождество на Петровский завод, повенецкий приказчик священнику Иосифу «о расколниках сказывал: они де баснословят, что крестят некрещенных, а именню, от святыя церкви содержимое нами православное крещение отрицают» (Л. 22), т. е. выговцы не признавали обвинений во вторичном крещении. Иосиф решил продолжить полемику и в конце января 1708 г. «написав иную тетрадь и на Повенецкия заводы при грамотке к тому же прикащику послал, чтоб он, призвав начальников расколничих и при многих послушниках их для ведения не единожды прочитавши, отдал им» (Л. 22).

В этом, уже третьем по счету, послании (Нач.: «Царствующий пророк в некоем растленном жителства и во образе того описует о всех бытия Божия закона пренебрежниках...» — Л. 23—29 об.) все рассуждения Иосифа сводятся к опровержению взгляда выговцев на то, что, кроме ста-

²⁶ РГБ, ф. 17, № 664, л. 10.

²⁷ Три послания Иосифа и ответ выговцев на одно из них сохранились в списке начала XVIII в.: РГБ, ф. 17 (Е. В. Барсов), № 664. Рукопись размером в 4° писана скорописью начала XVIII в. одной руки на 56 л. в картонном переплете, обтянутом кожей. В 1775 г. эта тетрадь была вновь использована в миссионерских целях, о чем свидетельствуют рукописные дополнения на полях, исправленные имена и даты, в частности на л. 22 об. по соскобленному вписаны новые адресаты «Федору Ивановичу и Василью», на л. 17 об. во фразе Иосифа «ваше («соннице». — Е. Ю.) именуюмо данилово» последнее слово соскоблено и вместо него написано «федорово». К 1775 г. относятся и две записи на оборотах верхней и нижней крышек переплета: «К сей сказке церкви Воскресения Христова села Даниловскаго диакон Михайло Михайлов подписался»; «К сей сказке воскресеньский диакон Михайло Михайлов подписался». По верхнему полю л. 1—52 владельческая запись XIX в.: «...императорского величества села Даниловскаго непашенного бобыля Ивана Петрь[о]ва сына Добьрановскаго ис пробойной (?) улицы, а подписать самъ своею многогрешною ру[кою]». Далее ссылки на листы данной рукописи приводятся в тексте после цитаты.

рообрядческого, в российской земле нет истинного крещения, и к доказательству преемственности никонианского рукоположения. Не приводя никаких новых соображений, автор послания тем не менее не оставляет своего резко-обличительного пафоса («злобу свою покрываяще, буесловите», «аще бредите по ожесточению вашему») и заключает свое послание: «Темже почто вы суровы и немилостивы сами над собою и, безумием слепотствующе, во тме прелести сидите, а свет трисиятельный вне вас минает, а противныя силы и власти темныя в вас живут, Сын же Божий вне доме вашего стоит, ради богопротивных хулений ваших» (Л. 29 об.).

26 января 1708 г. новая тетрадь Иосифа была послана выговцам. 1 февраля священник Петропавловской церкви получил письмо Герасима Традела, писавшего, что «тетрадь самому Даниилу Викулину zde отдана и приказал, чтоб на ответ к милости твоей отписали, и он обещал о том вскоре отписать, и чаю, что отпишут» (Л. 30).

Однако выговцы поступили иначе: 15 февраля они направили ответ иноземцу Траделу,²⁸ который 20 февраля вынужден был сообщить Иосифу: «К пустынножителем по тому писму милости твоей и паки с притужением писал и нарочнаго посылал, дабы ответ на посланные от вас к ним прислали. И сего числа получих от них писмо, которое пишут к моему лицу, которому бы, видится, и быть так не надлежит и мочно бы им и мимо мене к вашей милости писать, и видится, мало что есть ко ответу на ползу. А каково писмо при сем посланной список означит» (Л. 30).

Послание выговцев было довольно пространным (Л. 30 об.—37 об.). «И о сем тебе возвещаем, — писали они повенецкому заводскому приказчику, — что с Петровских заводов от Иосифа попа в трех временах присланы ко убогим к нашей худости писма в тетратех своего его, Иосифа, рукою писаны, иже последней присылки четыре листа мне, Даниилу грешному, будучи на Повенецких заводах, вруčiti изволил ты и ответа испросил. И против тех писем о различных гаждениях на придерживающихся истинного по старопечатным книгам православия, расколниками называя нас, в них же, тетратех, хулы и укоризны многия греховныя небывалыя на житие наше клеветал, а о коих винах нападение его, Иосифа, на нас отчасти ниже сего во ответствованиих, а не все же противо блядословия онаго» (Л. 30 об.).

Выговцы сетуют на безвыходность своего положения. С одной стороны, равноправная полемика была невозможна, поскольку «он, обогатель наш и наветник, не терпит терпкости праведнаго слова, обличение наше мозолие ему бывает, абие ищет вины и многими клеветами подвизатися тщится кормила держащих земская на конечное наше сиротское разпужение и с пролиянием крове, конечно память нашу тпцатся взяти от земля, якоже и о преждебывших нас сотвориша» (Л. 31 об.). С другой стороны, и отсутствие ответа на обличения расценивалось как якобы признание собственной неправоты: «...якоже же и днесь в настоящее лето егово, Иосифа попа, велехваление козлогласует, яко молчанием уступихом клеветоносная и лжесоставная его на нас написания, иже не просихом и никождаже по нужде требуем. Он же не ино что ища, нападает на ны, разведа, обрящет во ответе нашем, что им же бы пролияти кровь наша неповинная, якоже и прежде клеветети его твориша о исповедницех древ-

²⁸ По всей видимости, Герасим Традел, как и многие иностранцы, поступавшие на русскую службу во второй половине—конце XVII в., принял православие. Во всяком случае, среди подписавших прошение, поданное в феврале 1707 г. А. С. Чоглокову служившими на Повенецком и Алексеевском заводах мастерами-иноземцами и содержавшее просьбу разрешить быть на указанных заводах «пастору особному» (как на Устречном заводе), имени Герасима Традела на значится (РГАДА, ф. 26, оп. 1, д. 11404, л. 114—114 об.).

ного благочестия» (Л. 32). Именно этой причиной выговцы объясняют свое молчание на «живая плетения» Иосифа. Другая причина — недостаток времени: «...объяти в трудах многих, различных сиротских попечениях» (Л. 32).

Наставники пустыни кратко касаются двух догматических вопросов — о истинном крещении, которое сохраняется только у старообрядцев, и о признаваемом ими истинном священстве. Еще раз, может быть, специально для иноземца Традела, приверженцы древнего благочестия подчеркивают: «Никоеже свое учение имамы, но учение держим святых апостол и святых и богоносных отец, иже на всех святых соборах бывших, иже и в наше российское государство от соборныя апостолския восточныя церкви преподадеся, егоже и мы прияхом от наших пастырей и учителей, патриархов и митрополитов, не точию написанное, но и печатным тиснением всему миру изданное» (Л. 35).

Отвергаются также обвинения в проповеди самосожжения. «Пощади, Боже, — пишут выговцы, — души наша от такового суемудрия, еже бы нам за прибыток любовещнаго имения челоуеков в пожжение оболщевати, сие в нас никогда же бысть, ни быти хошет. Но имамы мы учение церковное, еже точию за сохранение благочестия смерть паче произволяти, неже со отвержением истины наслаждатися богатств и сладостей немирнаго сего мира» (Л. 35 об.).

Опровергают выговцы и заявления Иосифа об их богатстве (и действительно, эти годы были для пустыни «зяблыми» и «голодными»): «О Иосифе, откуда навykl еси богатство торгов наших, но вемы тя: ниоткуда же сего можеша показати, иди убо и вопроси пошшиноборцов и от них навyklнеша, колико пошшин собирается от торгов наших, да не будеша ктому лгати, но истинствовати опасно. Остави, остави завистодержание, Иосифе, и рачение несущих наших богатств и отради своему желанию, еже насытитися нашаа богатая трапезы: многажды бо наша трапеза не довлет насытити нас и с соломою смешеннаго хлеба и в вечерянии за неимением брашен не дает истощевати время, но отсылает ждати с надеждою в Бозе другаго обеда. И тако питаея, не достигнеша уты отолстети» (Л. 36 об.).

Старообрядцы пишут Траделу, что, отвечая на тетради петропавловского священника лишь «отчасти», не хотят продолжать «укор и распрь», которыми полны его послания. «Аще ли Иосиф желает истиннолюбное правость познати, — заключают они свое письмо повенецкому приказчику, — и он да потщится приехати до нашего убожества со своими новыми книгами московских и белорусских печатей, ихже имеет. Мы же со своей истинны, от святых отец приятои, известны, а до него нужды не имеем» (Л. 37 об.).

Получив 20 февраля 1708 г. через Г. Традела послание выговцев, Иосиф не замедлил ответить. Новое его сочинение («Даниилу Викулину и Андрею Денисову и всему сонмищу вашему, в лесах и по части везде обитающим, грешнейший священник Иосиф. О писании вашем, еже написасте к Герасиму Традлу и что в нем известисте, велми благодарен...») датируется последними числами февраля 1708 г., 6 марта оно уже было отправлено в общежительство. Именно этот источник использовал в своем «Розыске» Димитрий Ростовский (послание Иосифа ростовский архиепископ, по всей видимости, получил от своего друга и корреспондента новгородского митрополита Иова, в чью епархию входило Обонежье).²⁹

²⁹ О переписке Димитрия Ростовского с Иовом Новгородским см.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. С. 338, 356—357.

Последнее послание Иосифа выговцам стало еще более резким по тону. И вновь в нем поднимаются все те же вопросы: о крещении, священстве и таинствах. В некоторых случаях, не желая повторять свои доказательства, Иосиф отсылает пустынножителей к своему предшествующему посланию (в 12 разделах), называя его «второй епистолией» (Л. 42, 48, 51), что еще раз подтверждает существование не дошедшего до нас первого сочинения петровского священника. Обличая своих адресатов, Иосиф прибегает к доводу, который позже использует и Димитрий Ростовский: он указывает на внутренние несогласия в старообрядчестве, в частности, в связи с догматическими письмами протопопа Аввакума: «Можете и сами познати, — пишет Иосиф, — яко прежднии ваши клевети, за раскол в разная времена казненыя, их же вы называете исповедниками, кто же из них явился во святых или чудеса какия творит, возвестита, ибо расколники же, в Калуге обретающияся, от оных исповедников ваших именуемаго Аввакума за еретика имут и проклинаят» (Л. 42).

Иосиф прибегает к обвинениям в «притворных добродетелях», в «частых пощениях», в организации самосожжений ради приобретения богатства. Завершает этот ряд обвинение в «чаровании», предваряемое пересказом артикула 5-го из «Зерцала короны польской» о «жидах» в Королевстве Польском, покупавших «млеко христианское» (Л. 55—55 об.). Автор «Розыска» использует этот фрагмент почти дословно.³⁰ Однако в последней тетради рукописи, содержащей подборку посланий Иосифа, утрачено 4 листа, два из них следовали за вышеуказанным фрагментом. Поэтому уяснить, в чем, по мнению Иосифа, состояло старообрядческое «чарование», удастся только благодаря обширной выписке, сделанной из этого послания Димитрием Ростовским. Оппонент выговцев ссылаясь на рассказ некоего Григория, жившего в Березовом на Волоке, в дом которого приходили старообрядцы «всячески обольщевати к своему зловерию», родные Григория, выпив «очарованной» ими воды, ушли из дома и присоединились к затворившимся в остроге приверженцам старой веры; при приближении воинской команды произошло самосожжение (по всей видимости, имеется в виду «гарь» в Березовом на Волоке 23 августа 1687 г.).³¹

Выговцы в письме Герасиму Траделу призывали Иосифа приехать для диспута к ним в общежительство. На это приглашение, заключая свое послание, Иосиф отвечает следующим образом: «Вам удобнее было со своими книгами до нас прибыти, зане вас множество и имате коней доволность и сами во всем свободность и служба у вас не станет. Аз же един, а ктому коней своих и праздности не имею и при церкви един во службе нуждаюся, а к вам, аще прибыти, служба станет. Однако же, аще бы с любовию призывали, не отрелся бы прибыти» (Л. 56).

Как можно судить по источникам, переписка священника Иосифа с выговцами оборвалась, очное «разглагольствие» тоже не состоялось. Когда пустынножители получили последнее, четвертое по счету, послание (после 6 марта 1708 г.), его автор готовился принять монашеский постриг, и к 15 марта он уже покинул Петровские заводы. Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни» ни словом не обмолвился об этом эпизоде, хотя при других обстоятельствах (прояви Иосиф большую настойчивость и лишился выговцы покровительства заводских приказчиков-иноземцев) исход письменной полемики — если вспомнить миссионерскую деятельность Питири-ма Нижегородского — мог быть для старообрядческого общежительства

³⁰ Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1745. Л. 23—23 об. (третьего счета).

³¹ Там же. Л. 23 об.—24 (третьего счета).

достаточно печальным. Тем не менее послания Иосифа побудили выговских книжников активизировать разыскания и систематизацию доказательств в защиту старой веры. Именно к первой четверти XVIII в. относится большинство выговских авторских сборников, содержащих как бессистемные выписки, так и тематические их подборки.³²

События 1706—1708 гг., связанные с попытками священника Петровских заводов вовлечь пустынножителей в устное и письменное обсуждение различий между «старой» и «новой» верой, явились предысторией миссии иеромонаха Неофита и появления знаменитых «Поморских ответов». По указу Петра I от 22 апреля 1722 г. в Олонецкий уезд было послано из Синода духовное лицо «для разглагольствия о происходящем церковном несогласии и для увещания».³³ В конце сентября Неофит прибыл на заводы, и указом олонецкого ландрата к концу декабря выговцам было велено письменно ответить на 106 его вопросов. При всей подготовленности выговских книжников, которые уже принимали участие в составлении «Дьяконовых ответов», новая работа требовала большого труда и, конечно, времени. Потому выговцам пришлось не раз просить отложить «разглагольствие» до окончания составления ответов. Сочинение было завершено только 21 июня 1723 г. и скреплено подписями выборных от скитов. 28 июня 10 человек, представляющих старообрядческий суземок (заметим, среди них не было выговских наставников и главных составителей — Андрея и Семена Денисовых и Трифона Петрова), прибыли с «ответной книгой» на заводы. Со стороны пустынножителей устные собеседования с Неофитом вели келейник Андрея Денисова Мануил Петров и брат Даниила Матвеева иконописец Иван Матвеев. Очное общение сторон также успеха не имело. Синодальный миссионер придирался к ответам, требовал разговора «вкратце», выговцы просили зачитывать свои письменные ответы и возражали против оглашения наспех сочиненных Неофитом «возобличений» на некоторые их ответы.³⁴ 12 сентября 1723 г. представители общеземства обратились в канцелярию Петровских заводов с просьбой, поскольку дискуссия не является равноправной, освободить их от «разглагольствия». «А что он, иеромонах, — заключали свою жалобу выговцы, — написал на всепустынные наши ответы возобличение и всенародно оное прочитал, но нас по оному не доволствовал и отвещания нашего на то не требовал и ко всепустынному рассмотрению дати нам не поволит, но сказал, что де оно не вас ради писано и бес повеления синодалного дать вам опасен».³⁵ В сентябре 1723 г. выговцы после подписания ими текста, содержавшего краткое изложение позиций обеих спорящих сторон, были отпущены домой «с миром». Иеромонах Неофит, по всей видимости, решил не складывать оружия, «на Выговскую пустыню изыскивая своим коварством неправедных вин», однако вскоре он умер, «и все его неправедное коварство с ним исчезе».³⁶ Как и полтора десятка лет назад, общеземству вновь удалось избежать возможных последствий миссионерской активности, но последний случай принес им ощутимую победу: «Поморские ответы», разошедшись в огромном количестве рукописных списков по всей России и выдержав несколько изданий, стали настольной книгой всего старообрядчества.

³² Плигузов А. И. Авторские сборники основателей Выговской пустыни // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 104—112.

³³ Филиппов И. История... С. 170.

³⁴ Там же. С. 169—180.

³⁵ РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1036, л. 2 (отпуск, написанный так называемым II анонимным почерком, принадлежащим одному из сотрудников братьев Денисовых).

³⁶ Филиппов И. История... С. 188—189.